Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 3. С. 349–360
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 3, pp. 349–360
https://imo.sgu.ru https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-3-349-360, EDN: FGXYMJ

Научная статья
УДК 94(410.111)|13|+929Нортхемптон

Джон Нортхемптон: личность и политическая судьба горожанина Лондона второй половины XIV в.

Л. Н. Чернова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, larisachernova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5379-1470, AuthorID: 472830

Аннотация. В статье рассматривается политическая карьера и личностный аспект жизни Джона Нортхемптона – представителя правящей элиты Лондона второй половины XIV в. Показано, что его активная деятельность пришлась на один из турбулентных периодов в истории Лондона, а его судьба как человека и политика сложилась весьма драматично. Делается вывод о том, что это была самобытная личность с волевым характером, целеустремленный и решительный лидер политической фракции в столичном муниципалитете, прилагавший сознательные усилия по формированию впечатления о своем благочестии и духовном благополучии, заботившийся о сохранении своего имени в памяти последующих поколений.

Ключевые слова: биографическая история, Лондон второй половины XIV в., рыночная конкуренция, купеческие и ремесленные гильдии, королевская власть, городская правящая элита, политическая борьба

Для цитирования: *Чернова Л. Н.* Джон Нортхемптон: личность и политическая судьба горожанина Лондона второй половины XIV в. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 3. С. 349–360. https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-3-349-360, EDN: FGXYMJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

John Northampton: Personality and political career of a London citizen of the second half of the 14th century

L. N. Chernova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Larisa N. Chernova, larisachernova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5379-1470, AuthorID: 472830

Abstract. The article examines the political career and personal aspect of the life of John Northampton, a representative of the ruling elite of London in the second half of the 14th century. It is shown that his activity fell during one of the turbulent periods in the history of London, and his life as a man and politician was very dramatic. It concludes that he was an original personality with a strong-willed character, a single-minded and determined leader of a political faction in the capital municipality, who made conscious efforts to form an impression of his piety and spiritual well-being, and took care to preserve his name in the memory of future generations.

Keywords: biographical history, London in the second half of the 14th century, market competition, merchant and craft guilds, royal power, municipal ruling elite, political struggle

For citation: Chernova L. N. John Northampton: Personality and political career of a London citizen of the second half of the 14th century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 3, pp. 349–360 (in Russian). https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-3-349-360, EDN: FGXYMJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Известно, что за всеми происходившими в истории процессами и событиями всегда стояли реальные люди, «большие» и «маленькие», со своими интересами, симпатиями и фобиями, страстями и переживаниями. Это были фигуры, порожденные условиями своего времени, но принимаемыми решениями и совершаемыми поступками они не только реагировали, но и воздействовали на происходящее. Однако стремление исследователей воссоздать биогра-

© *Чернова Л. Н., 2026*

фии «простых» людей из далекого прошлого, избавить их от полного забвения наталкивается на почти полное отсутствие источников личного происхождения. Вследствие этого персонажи «второго плана» фактически лишены своего голоса и визуальных образов и выступают как «силуэты на фоне эпохи», в большей мере проявляя ее характер, чем свой собственный. Разрешить данную проблему отчасти призван биографический метод, потенциал применения которого значительно расширился с конца XX в. благодаря появлению «новой биографической» (или «персональной») истории, в рамках которой личность предстает перед исследователем взаимодействующей с другими персонами, со своей социальной средой, с окружающим миром в самых разных его проявлениях [1, с. 289–290, 291].

В позднесредневековой Западной Европе людьми, которые оказывались в эпицентре социальных и политических трансформаций, глубоко переживали происходящее, так или иначе приспосабливались к вызовам времени, формулируя новые запросы и вырабатывая, чаще неосознанно, новые ценностные установки, были горожане.

В контексте сказанного наше внимание привлек Джон Нортхемптон (? – 1398), торговец сукном, входивший в муниципальную правящую элиту и оставивший заметный след в социально-политической истории Лондона второй половины XIV в.

Этот купец начал активно проявлять себя в столичном социуме в очень непростое для города время. Со второй половины XIV в. обстановка здесь стремительно осложнялась: обострялись противоречия между несколькими влиятельными торговыми группами города, между полноправными горожанами – фрименами – и теми, кто не имел полного объема городских прав и свобод, а также между местными и иностранными купцами. Нарастание конфликтной ситуации во многом было обусловлено начавшейся в 1337 г. Столетней войной, разносторонними последствиями «Черной смерти» середины XIV в. и новых вспышек эпидемии чумы, поразивших Англию и ее столицу в 1361–1362 гг., 1369 г. и 1374–1379 гг. В полной мере дал о себе знать демографический спад: по современным оценкам, уровень смертности в Англии во время первой вспышки чумы составил от 40% до 55%, что дает вероятную среднюю смертность примерно в 47% или 48% [2, p. 3]. Большинство историков сегодня сходятся во мнении, что население королевства начало восстанавливаться только в XV в., а по-настоящему последствия демографического роста стали ощущаться только в XVI в. [2, p. 12]. Число людских потерь в Лондоне слабо поддается исчислению, однако устанавливается в пределах 40–50% [3, с. 461].

Сокращение людского ресурса вызвало острую нехватку рабочих рук, дороговизну ручного труда и рост заработной платы, изменение структуры производства: в городах участились попытки механизировать производство (в сельском хозяйстве произошло сокращение посевных площадей, которые превращались в пастбища), падение цены на землю и арендной платы, снижение ростовщического процента, возросшую социальную мобильность [4, 5]. Сочетание этих факторов повлекло за собой неоднозначные последствия. С одной стороны, оно способствовало расширению производства и торговли сукном, стимулировало рост занятости в сукноделии и иммиграцию в города, включая Лондон. В то же время английская шерсть стала более конкурентоспособной на зарубежных рынках, что вызвало увеличение инвестиций в ее производство и, как следствие, рост шерстяного экспорта уже в 1350-х гг. [6, p. 208]. Сложные нелинейные процессы в экономике Англии в целом и Лондона в частности отчасти иллюстрирует объем взимаемых в столичном порту таможенных пошлин с сукна и шерсти за период 1348–1366 гг. С 29 сентября 1348 г. по 29 сентября 1349 г. здесь было собрано 130 ф. 9 ш. 5 п. пошлин с сукна, при этом доля непосредственно Лондона составила 27 ф. 18 ш. 11 п. [7, p. 99–109]; с 29 сентября 1350 г. по 29 сентября 1351 г. цифры распределились следующим образом: 56 ф. 14 ш. 11 п. и 7 ф. 5 ш. 11½ п. соответственно [7, p. 121–128]; с 29 сентября 1351 г. по 29 сентября 1352 г.: 91 ф. 19 ш. 4½ п. и 7 ф. 7 ш. 8½ п. [7, p. 135–144]; с 29 сентября 1352 г. по 29 сентября 1353 г.: 71 ф. 11 ш. 1 п. и 12 ф. 17 ш. 11½ п. [7, p. 151–160]. А в отчете за период с 29 сентября 1365 г. по 29 сентября 1366 г. фигурируют таможенные пошлины с шерсти, вывезенной непосредственно столичными купцами: 39 ф. 5 ш. 6¼ п. [7, p. 211–308].

Сыграла роль и крайне непоследовательная, призванная подчас реагировать на сиюминутно возникавшие проблемы экономическая политика королевского правительства. Корона вынуждена была лавировать между интересами местных и иностранных купцов, решая задачи поощрения переработки шерсти и производства сукна, стимулирования торговли, повышения рыночной конкуренции и увеличения доходов казны. В 1351 г. Эдуард III (1227–1377) ликвидировал стапельную монополию Брюгге [8, с. 12], поскольку рост пиратства в ходе войны с Францией и перерыв в торговле из-за эпидемии чумы значительно сократили доходы от заморского стапля, а финансовые возможности небольшой группы крупнейших английских купцов, кредитовавших корону, были исчерпаны. Правительству пришлось изыскивать новые пути пополнения казны [9, с. 122]. В 1353 г. Эдуардом III был издан «Ордонанс о стаплях» [10, p. 332–349], подтвержденный в 1354 г. парламентским статутом. Ссылаясь на то, что «стапль для шерсти, кожи и овчин был вынесен за пределы нашего королевства, в результате чего оно лишилось огромных

доходов» [10, p. 332], приоритет был отдан 15-ти домашним стаплям: в городах Ньюкасл-на-Тайне, Йорк, Линкольн, Норвич, Вестминстер, Кентербери, Чичестер, Винчестер, Эксетер и Бристоль – в Англии, Кармартен – в Уэльсе, Дублин, Уотерфорд, Корк и Дрогеда – в Ирландии [10, p. 332]. «Шерсть, кожи, овчины и свинец, производимые в пределах нашего королевства и земель (our said Realm and Lands), отныне должны постоянно храниться в указанных местах, а не где-либо еще… И ни один торговец, будь то англичанин, валлиец или ирландец, не посмеет вывозить из указанного королевства и земель шерсть, кожи, овчины или свинец под угрозой жизни и здоровья, а также конфискации указанных товаров и всего прочего движимого имущества, земель и владений…» – говорилось в статуте [10, p. 332, 334].

Стапельная система 1353–1354 гг. предоставила иностранным купцам значительные привилегии в Англии и открыла им путь к расширению участия в экспорте английской шерсти и влияния на заморскую торговлю [6, p. 208–209]. Отныне чужеземные торговцы, находившиеся под особым покровительством короля и имевшие свои суды, могли скупать шерсть по всей стране, контактируя непосредственно с крупными английскими поставщиками сырья на рынок, и именно они получили исключительное право на шерстяной экспорт. Английским купцам разрешалось заниматься лишь посредническими операциями [10, p. 334–349], что значительно сокращало их прибыли и ухудшало позиции на внутреннем рынке и в экспортной торговле. Действия короля определялись финансовыми потребностями: привлечение иностранных купцов в Англию соответствовало интересам рыцарства и баронов, в результате парламент пожаловал Эдуарду III субсидию шерстью на 3 года, кроме того, он получил дополнительные доходы, поскольку иностранные купцы обязывались за эти привилегии уплачивать повышенные пошлины (10 ш. с 1 мешка шерсти) [9, с. 123]. Важно учитывать еще одно обстоятельство, на которое в свое время обратила внимание Л. П. Репина: своей экономической политикой королевская власть создавала благоприятные условия для развития торговли, стимулировала рост ремесленного производства, поскольку была заинтересована в укреплении городской экономики, откуда черпала значительную часть необходимых ей средств [9, с. 114].

Все эти меры крайне болезненно сказались на экономической ситуации и социальной обстановке в Лондоне. Не случайно уже в 1351 г. от имени городской общины («the Commonalty of the City») на имя короля была направлена петиция с просьбой подтвердить «свободы и обычаи города» («the liberties and customs of the City») [11, p. 229], аналогичные обращения зафиксированы в 1353 и 1355/56 гг. (городские власти просят подтвердить привилегии города – the City's franchises) [12, p. 14–15, 52]. Судя по петиции от 23 апреля 1357 г., обстановка в столице была близка к критической: цены на многие завозимые иностранными купцами товары выросли на 50% и более; городские власти вынуждены были констатировать, что многие из наиболее значительных «добрых людей, которые живут только торговлей и своим трудом» («good folk only live by merchandise and work»), покидают Лондон в поисках лучших мест для ведения торговли (дословно: «more substantial of them refuse to live or traffic»), другие отказываются приходить в город («others refuse to come to the City») [12, p. 86].

В том же 1357-м г. король разрешил англичанам участвовать в экспортной торговле шерстью наравне с иностранными купцами, значительно повысив и для тех, и для других вывозные пошлины («любой купец, как иностранец, так и местный, может (привозить. – *Л. Ч.*) в те земли за морем, которые находятся в дружбе с королем, шерсть, кожи и овчины… платя за каждый мешок шерсти 50 шиллингов, за 300 овчин – 50 шиллингов, а за ласт (ок. 1835 кг. – *Л. Ч.*) кожи – 100 шиллингов…») [10, p. 351], поскольку из-за возобновившихся военных действий Эдуард вновь нуждался в средствах и поддержке местных купцов [9, с. 123]. Этот статут был подтвержден в 1361 г. [10, p. 368–369] и 1362 г. [10, p. 374]. Однако, по справедливому замечанию Д. В. Лештаева, эта мера оказалась малоэффективной: и в середине 1360-х гг. купцы продолжали покидать Лондон [8, с. 12]. Об этом красноречиво свидетельствует «Петиция мэра, олдерменов и простых жителей к королю и Совету о возвращении городских привилегий, потеря которых заставила многих покинуть город…» [12, p. 185].

В 1363 г. Эдуард III учредил стапль и стапельную компанию в Кале из 26 крупнейших английских купцов, державших под контролем почти весь экспорт шерсти (кроме прямой торговли с Италией и Каталонией, остававшейся в руках иностранцев). Стапль в Кале сочетался с «домашними» стаплями, учрежденными в 1353–1354 гг.: только из них разрешалась погрузка шерсти и отправка ее на континент, в Кале. Несмотря на это, новая система вызвала недовольство купечества «домашних» стаплей, купцов-посредников и рыцарства [9, с. 123]. В результате статут 1364 г. отменил монополию стапельной компании Кале («все купцы, как иностранцы, так и местные, могут продавать и покупать всевозможные товары и свободно вывозить их из королевства, выплачивая причитающиеся таможенные пошлины и субсидии» [10, p. 383–384]) и подтвердил статут 1354 г. («стапль должен находиться в Англии»; дословно: «the Staple shall be in England») [10, p. 384].

Впоследствии стапль в Кале неоднократно восстанавливался и отменялся.

Серьезное социальное напряжение в Лондоне вызвал статут 1363 г., по которому каждый купец должен был торговать лишь одним товаром, а каждый ремесленник заниматься только своим ремеслом. Эдуард III предписал, что «ни один английский купец не должен торговать товарами, ни своими, ни чужими, … а только одним, который он выберет между нынешним праздником Сретения Господня (2 февраля. – *Л. Ч.*) и этим же праздником в следующем году» [10, p. 379]. Любопытно, что необходимость такого решения король объяснял негативными последствиями от деятельности бакалейщиков: «… великие несчастья случились как с королем, так и с могущественными людьми и простым народом (Great Men and Commons) из-за того, что купцы, называемые бакалейщиками, продают всевозможные товары … и произвольно повышают цены на такие товары в королевстве», создают искусственный дефицит («выбирают самые дорогие товары и сохраняют их про запас до тех пор, пока не наступит в них недостаток») [10, p. 379]. Правда, уже в феврале 1364/65 г. Эдуард III вынужден был сделать шаг назад и гарантировать столице привилегии: лондонским фрименам возвращалось право свободной торговли с континентом любыми товарами, вновь устанавливался 40-дневный срок реализации товаров и запрет на ведение розничной торговли для иностранцев [12, p. 187].

Как отмечалось выше, ремесленники, согласно статуту 1363 г., также должны были «посвятить себя только одному ремеслу…» [10, p. 379]. С одной стороны, юридически закреплялась монополия на ремесло, к которой стремилась каждая гильдия. Но, с другой – санкционировалось создавшееся к этому времени положение, при котором, например, никто из ремесленников-сукноделов (ткачей (weavers), красильщиков (dyers), валяльщиков (fullers) и др.) не мог продавать сукно, а торговец сукном скупал всю их продукцию; торговцы кожаными изделиями скупали продукцию перчаточников, кошелечников, сумочников и т. д. [9, с. 72–73]. Джон Нортхемптон, назначенный в 1361 г. смотрителем компании торговцев сукном (суконщиков, drapers) [6, p. 210–211], вместе со своим коллегой Уильямом Эссексом был в первых рядах тех, кто стремился установить контроль над торговлей тканями. В 1364 г. Эдуард III пожаловал хартию компании торговцев сукном, вызвав острую вспышку недовольства со стороны сукнодельческих цехов и портных. Красильщики, ткачи и валяльщики теперь не должны были нарушать монополию суконщиков под угрозой конфискации всей их продукции. Ни один горожанин, имевший сукно для продажи, не мог продать его никому, кроме члена компании суконщиков. Аналогичные привилегии от короля смогли получить торговцы вином (vintners) и рыбой (fishmongers) [12, p. 200, 204].

Однако, казалось бы, успешная попытка суконщиков установить монополию на торговлю сукном дала трещину. В 1365 г. некоторые богатые лондонские ремесленники обратились за поддержкой к короне и получили хартии, разрешавшие им избирать / назначать собственных гильдейских мастеров для надзора и обеспечения надлежащего управления – контролеров (surveyors), т. е. они смогли укрепить свою самостоятельность как отдельного института. В числе таковых были валяльщики, ткачи [12, p. 194] и ковровщики (tapissers) [12, p. 192, 200], а также изготовители дорожных сумок (makers of mails or travalling-bags) [12, p. 187] и ножовщики (cutlers) [12, p. 194]. Это никак не отвечало интересам компаний, включая суконщиков, стремившихся к их подчинению. Все эти обстоятельства создавали в Лондоне крайне напряженную ситуацию, которая имела тенденцию перерасти в открытое противостояние из-за проблем на рынке и сокращения доходов.

И в этот момент король нанес новый удар по интересам лондонских торгово-ремесленных корпораций, вовлеченных в экспорт шерсти. 11 июня 1369 г. Эдуард III объявил, что шерстяной стапль в Кале будет отменен «из-за нарушения мира между Англией и Францией», а горожанам Лондона вновь запрещено экспортировать шерсть [12, p. 248]. Эти меры были выгодны иностранным купцам, особенно итальянцам. Хотя ситуация была не так однозначна, по крайней мере, для нескольких купцов, таких как торговец рыбой Джон Пече, олдермен 1349–1380 гг., шериф 1352–1353 гг., мэр 1361–1362 гг., член парламента от Лондона в 1361, 1369, 1371 и 1372 гг. [13, p. 388], меховщик Адам де Бари, олдермен 1348–1386 гг., шериф 1349–1350 гг., мэр 1364–1366 и 1373–1374 гг., член парламента от Лондона в 1362 г. [13, p. 388], и торговец шелковыми и бархатными тканями (mercer) Джон Пайел, олдермен 1369–1379 гг., шериф 1369–1370 гг., мэр 1372–1373 гг., член парламента от столицы в 1361 и 1376 гг. [13, p. 389; подробнее см.: 14]). Для них возобновление войны Англии с Францией открывало новые возможности для извлечения прибыли за счет службы короне [15, p. 228]. Но для многих горожан, занимавшихся экспортом шерсти, не только дрейперов и мерсеров, но и меховщиков, бакалейщиков, торговцев рыбой, виноторговцев, перспектива войны стала ударом по их коммерческой деятельности, тем более что стапль в Кале был для них выгодным.

Политика Эдуарда III ускорила появление двух ключевых политических фракций в муниципальной элите Лондона, одну из которых возглавил бакалейщик и крупный кредитор короны Николас Брембр, олдермен 1372–1388 гг., шериф 1372–1373 гг., мэр Лондона 1377–1378,

1383–1386 гг., член парламента в 1383 г., сборщик пошлин в Лондонском порту в 1379–1386 гг. [13, p. 390; подробнее см.: 16], а другую – торговец сукном Джон Нортхемптон, олдермен 1375–1383 гг., шериф 1376–1377 гг., мэр 1381–1383 гг., член парламента от Лондона в 1378 г. и от Саутуорка в 1388 г. [13, p. 391]. Таким образом, Нортхемптон и его визави Николас Брембр выдвинулись на видное место в политической жизни города на волне обострения конкурентных противоречий между лондонскими купцами и купцами-иностранцами, прежде всего в торговле сукном, шерстью и продовольственными товарами, и между разными торговыми компаниями, купеческими и ремесленными корпорациями.

За Брембром стояли известные в городе люди: богатый виноторговец Джон де Стоди, его тесть, олдермен 1352–1376 гг., шериф 1352–1353 гг., мэр 1357–1358 гг., член парламента от столицы в 1354, 1355, 1357 и 1369 гг. [13, p. 387] (видимо, во многом благодаря его поддержке Брембр тесно сотрудничал с торговцами вином из Гаскони), бакалейщик Джон Филпот, олдермен 1372–1384 гг., шериф 1372–1373 гг., мэр 1378–1379 гг., 6 раз (с 1369 по 1383 гг.) избиравшийся членом парламента от Лондона [13, p. 390], упоминавшийся выше мерсер Джон Пайел, тесно связанный с влиятельными бакалейщиками, такими как Джон Обри, олдермен 1370–1377 гг., шериф 1373–1374 гг., член парламента от Лондона в 1368 и 1369 гг. [13, p. 389], Уильям Барет, олдермен 1377–1394 гг., член парламента от Лондона в 1381, 1383 и 1388 гг. [13, p. 392], и Фульк Ховуд. Несмотря на принадлежность Брембра к компании бакалейщиков, он, как и другие его коллеги, был глубоко интегрирован в торговлю шерстью и тканями. Именно Ник Брембр экспортировал самый большой объем шерсти в 1365–1366 гг.: он отправил 1432 мешка, что составляло почти 9% от общего количества мешков, вывезенных за 12 месяцев после дня св. Михаила (29 сентября) 1365 г. [6, p. 211]. И, конечно, сторонников Брембра объединяло недовольство ситуацией, складывавшейся на продовольственном рынке столицы. Неограниченный ввоз и продажа продуктов питания иноземными купцами способствовали снижению цен на них, что отвечало интересам широких слоев населения, но ставило в невыгодные коммерческие условия местных купцов-виктуаллеров – не только оптовиков, но и мелких торговцев продуктами в розницу [17, с. 7]. Дж. Анвин, характеризуя интересы поставщиков продовольствия, писал, что их главной целью было осуществление контроля над каналами снабжения продовольствием [18, p. 134]. Но обратим внимание на важный факт: в нараставшем конфликте все его участники – бакалейщики, торговцы рыбой, вином, шелковыми и бархатными тканями, сукном – были связаны между собой как поставщики шерсти (wool shippers). Клубок завязавшихся противоречий был значительно сложнее и не исчерпывается противостоянием так называемых виктуаллеров и торговцев непродовольственными товарами.

Наиболее влиятельными сторонниками Джона Нортхемптона стали торговец сукном Уильям Эссекс и два мерсера, Джон Мор, олдермен 1382–1383 гг., шериф 1383–1384 гг., член парламента от Лондона в 1382 и 1383 гг. [13, p. 396], и Ричард Нобари, олдермен 1383–1384 гг., член парламента от Лондона в 1382 и 1383 гг. [13, p. 398; 15, p. 232]. Между ними существовали довольно тесные коммерческие связи. У Ричарда Нобари Нортхемптон купил лавку в приходе св. Марии ле Боу на Кордуэйнер-стрит и арендовал там же на 20 лет угловую лавку у Уильяма Эссекса. Эссекс, Мор и Томас Барет, возможно, ученик Нортхемптона, совместно арендовали земли и доходные дома на Пентекост-лейн в приходе св. Николая у Джона Нортхемптона и его жены Петрониллы с 30 ноября 1375 г. по 12 февраля 1376 г. [6, p. 212, n. 656].

Углублявшиеся противоречия между разными столичными гильдиями, между лондонскими и иностранными купцами, подкреплявшиеся неоднозначной политикой короны, преследовавшей собственные цели, часто склонявшейся на сторону иностранцев в ущерб интересам местных купцов и взимавшей с тех и других платежи для финансирования войн за пределами Англии, привели к эскалации ситуации и беспорядкам, вскоре выплеснувшимся на улицы Лондона. В мае 1371 г. Джон Нортхемптон, Уильям Эссекс, Джон Мор и еще 9 жителей Лондона «по приказу короля были арестованы и переданы констеблю Тауэра, который должен был содержать их там до тех пор, пока на то будет воля короля» («were by the King's orders arrested and delivered into the custody of the Constable of the Tower, there to be kept during the King's pleasure») [12, p. 281]. Их освободили в августе того же года после выплаты 200 фунтов в качестве залога и при условии, что «они не будут устраивать никаких собраний или подобных сборищ» («they would not organize any assemblies or similar gatherings»). Нортхемптона выделили как особо опасного человека, зачинщика, «лидера группы» («the group's ringleader») [12, p. 286].

Однако Джон Нортхемптон, зарекомендовавший себя как харизматичный лидер, пользовавшийся народной поддержкой, все глубже вовлекался в городское управление и происходившие события. В 1375 г. он был избран олдерменом округа Кордуэйнер (вероятно, при поддержке бакалейщиков Сопер-лейн) [13, p. 386], что укрепило его позиции и подвигло на решительные действия. Известно, что на созванной мэром Джоном Уордом ассамблее, проходившей в Лондоне с 28 апреля по 6 июля 1376 г., на которой присутствовали мэр, рикордер, шерифы, 9 олдерменов и горожане из 41 гильдии, Нортхемп-

тон выступал в качестве одного из советников (advisor) [19, p. 17–18]. А вскоре от имени городского совета он обратился к короне (через Джона Гонта, герцога Ланкастерского) с петицией, в которой, среди прочего, содержалось требование «демократизации» муниципального управления за счет нового принципа формирования магистрата: он должен избираться не по округам, а торгово-ремесленными корпорациями [17, с. 7–8].

На наш взгляд, высказываемое в литературе утверждение о фактической узурпации власти в Лондоне представителями виктуаллеров [17, с. 8–9] не совсем соответствует реальной ситуации. Наши подсчеты показывают, что из 55 олдерменов, избранных за период с 1345 по 1375 г., т. е. в течение 20 лет, предшествующих острой фазе кризиса, компании, непосредственно торговавшие продовольствием, представляли 30 человек, а непродовольственный сектор – 25. При этом действительно самое большое, но не критичное представительство было у торговцев рыбой – 14 олдерменов (бакалейщики – 7, торговцы пряностями – 5, виноторговцы – 4). Среди не-виктуаллеров лидирующие позиции с небольшим перевесом занимали торговцы шелковыми и бархатными тканями – 10 олдерменов, за ними следовали торговцы сукном – 8, ювелиры – 4, меховщики – 2 и один олдермен представлял торговцев шерстью. С избранием этих олдерменов на должность мэра складывается следующая картина: представители виктуаллеров избирались 18 раз (торговцы рыбой – 9, бакалейщики – 4, торговцы пряностями – 3, вином – 2), представители непродовольственных гильдий – 14 раз (торговцы шелковыми и бархатными тканями – 6, меховщики – 4, торговцы сукном – 3, ювелиры – 1) [13, p. 386–391]. Действительно, обращает на себя внимание некоторое доминирование торговцев рыбой, особенно с учетом того, что отдельные олдермены-рыботорговцы занимали должность мэра несколько раз. Речь идет о Джоне Лоукине – градоначальнике в 1374–1375 и 1380–1381 гг. [13, p. 386], и Уильяме Уолворте, находившемся на этой должности с перерывами трижды – в 1348–1349, 1358–59 и 1366–1367 гг. [13, p. 389]. Все же, на наш взгляд, говорить о монополизации должности высшего официала Лондона торговцами рыбой, вином и бакалейщиками в рассматриваемый период можно лишь с большей долей условности. Опираясь на приведенные данные, можем предположить, что стремление дрейперов перейти на гильдейский принцип избрания олдерменов, служивших резервом для выборов мэра и ряда других высших официалов Лондона, было продиктовано сугубо их и близких к ним компаниям корпоративными интересами. Избрание олдерменов от сукнодельческих гильдий валяльщиков, красильщиков, ткачей, которые фактически были амальгамированы дрейперами, укрепило бы их позиции в городском управлении, что было важным козырем в обострившейся конкурентной борьбе на рынке Лондона.

Необходимо принять во внимание и еще один фактор, а именно последствия эпидемии чумы, очень больно ударившей по правящей элите Лондона: только за период 1348–1349 гг. умерли 8 из 24 олдерменов [20, p. 161]. Возможно, этим можно объяснить сетование власть имущих на то, что никто из «добрых людей» не желает (или нет для этого достаточного людского ресурса? – *Л. Ч.*) занимать должности мэра, олдерменов и других официалов («refuse to become Mayor, Alderman, or other officer») [12, p. 86], нашедшее отражение в петиции городского совета столицы в адрес короля от 23 апреля 1357 г. И далее ситуация только ухудшалась. По сообщению английского хрониста, монаха-бенедиктинца Ранульфа Хигдена, «… накануне Пасхи 1361 года в Лондоне начался массовый мор, … унося жизни многих мужчин» [2, p. 85]. А в четвертую волну эпидемии особо пострадала именно городская верхушка: «В 1374 году в Англии в нескольких городах на юге страны начался четвертый мор, который продолжался долгое время. В следующем году большое количество лондонцев из числа более богатых и именитых горожан погибло от эпидемии» [2, p. 88], – записал автор «Анонимной хроники» XIV в.

Ответ короля на петицию лондонцев последовал 29 июля 1376 г. и не сулил городу ничего хорошего: монарх предупреждал, что неспособность муниципальных властей устранить внутренние разногласия может привести к лишению столицы самоуправления. Эти угрозы вынудили бакалейщиков и их сторонников пойти на примирение с Нортхемптоном. Мэр Джон Уорд согласился с содержавшимся в петиции требованием о том, чтобы отныне городской совет избирался торгово-ремесленными корпорациями, а не по округам [15, p. 246], все важные городские проблемы должны были обсуждаться на заседаниях городского совета не реже 2-х раз в квартал, только городская ассамблея могла выбирать мэра и шерифов, а олдерменов фримены округов должны выбирать ежегодно [17, с. 9].

Примерно в то же время, в июле 1376 г., корона объявила о восстановлении стапля в Кале, но продолжала хранить молчание по вопросу о восстановлении привилегий города в торговле шерстью. На этом фоне Нортхемптон и Эссекс сформировали в городском совете политическую фракцию (a political caucus). В сентябре 1377 г. Джон Уорд лично поспособствовал очередному избранию Нортхемптона одним из новых шерифов города. Влияние Нортхемптона и его группы продолжало расти, они заручились поддержкой Джона Гонта. Однако хартия Inspeximus, изданная герцогом Ланкастерским (новому королю Ричарду II было всего 10 лет) и предписывавшая, чтобы олдермены Лондона прекращали

свои полномочия каждый год 12 марта, в день св. Григория, и не могли переизбираться, многими горожанами была воспринята как попытка подчинить город королевской власти [6, p. 215]. Значительная часть вины за это возлагалась на Нортхемптона [15, p. 251]. В результате городских волнений мэр Адам Стэбл, мерсер, сторонник Нортхемптона, 21 марта 1377 г. был смещен с должности по распоряжению короля. И в тот же день мэром был избран Николас Брембр [13, p. 390]. А 4 декабря того же года корона усилиями Джона Гонта издала новую хартию, подтвердившую прежние привилегии Лондона и предоставившую его горожанам больше рычагов влияния на проживавших в городе и занимавшихся торговлей иностранных купцов [21, p. 69–70].

Казалось, что внутриполитические противоречия в столице должны были стать достоянием истории. Однако этого не случилось. Нортхемптон и Брембр продолжили бороться, и, как утверждает П. Найтингейл, к этому времени эта борьба переросла в «конфликт двух амбициозных и властных личностей» [15, p. 256]. В октябре 1381 г., в условиях восстания Уота Тайлера, когда требовалось предотвратить дальнейшее разрастание беспорядков и защитить город, Джон Нортхемптон был избран мэром Лондона [13, p. 391], при этом подтасовав факты и возложив всю вину за приход восставших в столицу в июне 1381 г. на торговцев рыбой [17, с. 9].

В начальный период пребывания Нортхемптона у власти напряженность в городе несколько ослабла. Этому отчасти способствовала проводимая мэром политика, ориентированная на большинство столичного социума, в определенной степени популистская, к тому же имевшая целью ослабить политических противников. Среди прочих мер Нортхемптон снизил цены на хлеб и рыбу [6, p. 216, n. 670], предпринял ряд шагов по сокращению доходов церкви. Специальным постановлением 1382 г. он понизил плату священникам за совершение заупокойных служб, таинств крещения и венчания («…никто в городе не должен давать при крещении любого ребенка больше 40 пенсов под страхом уплаты штрафа в 20 шиллингов; и при заключении брака за мужчину или женщину… никто не должен вносить более половины марки под страхом уплаты штрафа в 40 шиллингов…» [22, p. 463]), ликвидировал принадлежащие церкви (епископу Винчестерскому) таверны и дома терпимости в Саутуорке [23, с. 52]. Хотя ни Джон Нортхемптон, ни его соратники не обвинялись в поддержке лоллардов, нельзя полностью исключать того, что некоторые члены «партии Нортхемптона» симпатизировали уиклифитам: когда в 1386 г. бывший мэр был освобожден из тюрьмы, одним из его поручителей стал Джон Клейдон, меховщик и член городского совета, впоследствии один из самых известных лондонских лоллардов [24, p. 437].

В октябре 1382 г. Ричард II, с подачи городских властей во главе с мэром Нортхемптоном, издал указ, регулирующий деятельность торговых посредников, способствовавших росту цен и нарушавших торговые монополии. Предписывалось, что таковыми могут выступать только лица, избранные торгово-ремесленными корпорациями, которые в них действительно нуждаются. Такие компании могут избирать не более 2–4-х посредников, которых надлежало представить мэру. Торговым посредником мог быть избран и иностранец, если он пользовался хорошей репутацией (good repute), сумел заручиться доверием людей из торгово-ремесленной гильдии и ежегодно выплачивает в городскую казну 40 ш. [25, p. 199]. Предусматривалось, что посредники могут участвовать в сделках, совершаемых только лично продавцами и покупателями избравшей их компании, и должны письменно фиксировать все ее детали. Ни один посредник не мог торговать собственными товарами или товарами другого лица под страхом уплаты чемберлену (городскому казначею) двойной стоимости [25, p. 198–199]. Торговым посредникам, уличенным в совершении «неправильной» торговой сделки (false bargain) или ростовщичестве, грозило наказание. Нарушителя надлежало доставить в Гилдхолл, а оттуда в сопровождении менестрелей, с непокрытой головой, босого, без пояса, сидящего на лошади без седла лицом к хвосту, сопроводить к позорному столбу в Корнхилл, у которого он должен оставаться в течение часа. Затем его предстояло препроводить в тюрьму, где он должен оставаться 4 недели, если только не заплатит чемберлену сумму в размере 20 фунтов в пользу городской общины. В случае рецидива наказание удваивалось, а сам посредник отстранялся от должности [25, p. 199].

Реформы Нортхемптона вызвали серьезную оппозицию во властных структурах, за которыми стояли определенные группы влияния. Ситуация осложнялась тем, что ему так и не удалось привлечь на свою сторону большинство олдерменов, а окружающие все чаще воспринимали его действия в городской администрации как манипулятивные и в конечном счете корыстные [19, p. 71–72, 76–77]. И хотя в 1382 г. Нортхемптон был переизбран мэром на второй срок, произошло это только благодаря вмешательству короля. 7 октября 1382 г. Ричард II (1377–1399) направил скрепленное королевской печатью письмо шерифам, олдерменам и общине Лондона, в котором содержалась просьба «избрать благоразумного и мудрого мэра на предстоящих выборах» и уведомление о том, что «переизбрание Джона де Норхемптона было бы приятно королю, который хорошо о нем наслышан» [25, p. 200]. При этом, конечно, подчеркивалось, что «в намерения короля не входит вмешиваться в свободные выборы мэра горожанами» [25, p. 200]. Письмо было зачитано

Джону Норхемптону, ему предложили занять пост мэра на следующий год, однако он отказался [25, p. 200]. В связи с этим в понедельник, 13 октября, в зале Гилдхолла собрались 17 олдерменов, в том числе Джон Филпот и Джон Мор, и «огромное количество горожан» с целью избрать мэра на следующий год. Было зачитано еще одно письмо короля, датированное 12 октября и адресованное мэру Джону Норхемптону. В нем содержалась просьба к нему вступить в должность в случае переизбрания, «и хотя упомянутый мэр, по обычаю города, не был обязан вновь вступать в должность, он, тем не менее, согласился исполнять обязанности мэра в течение следующего года из-за своего почтения к королю и просьбы олдерменов, шерифов и горожан» [25, p. 200–201]. В день святых Симона и Иуды, 28 октября Джон Норхемптон был приведен к присяге в Гилдхолле, а на следующий день присягнул перед казначеем и баронами казначейства в Вестминстере [25, p. 201].

Однако в следующем, 1383-м, году Николас Брембр вернул себе пост мэра. Уже в ноябре 1383 г. компаниям лондонских торговцев рыбой и бакалейщиков король восстановил все их монопольные права [25, p. 226]: «община вновь столкнулась с удорожанием продуктов питания» [26, p. 19].

Но и Нортхемптон не оставил намерения закрепиться на вершине власти. В 1384 г. он появился в Чипсайде с группой из 500 сторонников. Брембр, «чтобы не допустить распространения восстания в Лондоне» [26, p. 20], приказал арестовать Нортхемптона, который предстал перед королем в Рединге по обвинению в государственной измене и был приговорен к смертной казни. Однако о его помиловании ходатайствовала королева-мать Джоанна Плантагенет. В результате в Лондоне состоялся второй судебный процесс, на котором Нортхемптон вновь приговорили к смертной казни, но заменили её на пожизненное заключение сначала в замке Корф, а затем в замке Тинтагел (Tintagel) в Корнуолле. Его давние сторонники, Мор, Нобари и Эссекс, прошли через аналогичную череду арестов, судебных процессов, осуждения и заключения в других замках. В конце концов, в 1387 г. Нортхемптон был освобожден, Мор, Эссекс и Нобари получили свободу годом ранее, причем всем им запретили приближаться к Лондону на расстояние менее 80 миль [26, p. 20].

Судьба Брембра сложилась более трагично. После падения Нортхемптона он еще трижды (вплоть до 1386 г.) становился мэром Лондона. Однако в феврале 1388 г. был осужден и казнен [13, p. 476].

Итог борьбе между «партиями» Джона Нортхемптона и сэра Николаса Брембра в 1390 г. подвел сам лондонский муниципалитет: было издано постановление, запрещавшее публично упоминать имена этих двух бывших олдерменов и мэров [25, p. 364]. Представители правящей элиты постарались навсегда вычеркнуть из памяти эту крайне неприятную для них страницу истории.

Такова политическая судьба Джона Нортхемптона. А каким он был человеком? Английский хронист и историк Томас Уолсингем (ок. 1340–1422) из аббатства Сент-Олбанс, автор одной из наиболее ярких хроник периода Ричарда II и Генриха IV, исторических текстов на античные сюжеты, комментариев к древним авторам, а также нескольких трактатов о философии и музыке [27, с. 24], высказался о Нортхемптоне как о «человеке жестокосердном и коварном, жаждущим богатства и гордом настолько, что он не мог ни ладить со своими подчиненными, ни следовать советам или предостережениям вышестоящих в стремлении довести свои радикальные идеи до победного конца» («homo duri cordis et astutus, elatus propter divitias et superbus, qui nec inferioribus adquiescere, nec superiorum allegationibus London, sive monitis flecti, valeret, quin quod inceperat proprio ingenio, torvo proposito ad quemcunque finem perducere niteretur») [28, p. 65]. Дж. Анвин, приняв во внимание эту характеристику фактически современника нашего героя, назвал Нортхемптона целеустремленным и проницательным человеком, «одной из самых ярких личностей в истории Лондона» [18, p. 132].

О происхождении и раннем периоде жизни Джона Нортхемптона ничего не известно. Мы даже не знаем, где и когда он родился. Максимально возможные сведения о нашем персонаже можно почерпнуть из его завещания. Познавательные возможности такого источника для реконструкции судеб и внутреннего мира средневековых горожан Англии показали в своих исследованиях, в частности, Р. Э. Вуд [29], К. М. Бэррон [30], Л. Н. Чернова [31].

Завещание нашего героя было составлено в феврале и дополнено в декабре 1397 г., а затем (к сожалению, конкретная дата не указана) зарегистрированного в суде Хастинг [32, p. 333–335]. Его тон и содержание рисуют портрет человека, который признает и ценит семью, коллег по работе и друзей, действует в полном соответствии с законами Лондона. Хотя Джон носил фамилию Нортхемптон (Northampton или Norhampton), его семья предпочитала фамилию Комбертон (Comberton) или Камбертон (Cumberton) [18, p. 131–133; 19, p. 7–13]. Из акта последней воли Джона следует, что родителей нашего героя звали Джеймс и Мариота, что он был дважды женат: имя первой супруги – Джоанна (она была еще жива в 1371 г., поскольку упоминается в документе о покупке лавки в приходе св. Марии ле Боу [19, p. 8]), второй – Петронилла; на ней Джон женился в период после 1371 г. и до 1375 г. Своего единственного сына он называет Джеймсом. Также у Джона были два

брата – Уильям Комбертон (Comberton), меховщик, и Роджер Комбертон (Comberton) – и две сестры – Петронилла и Агнес. Уильям, отличавшийся, видимо, бунтарским характером, дважды упоминается в судебных документах Лондона: первый раз он был привлечен к ответственности в 1365 г. за незаконное смешение старого и нового меха, «что противоречит статуту и вводит в заблуждение людей» [33, p. 15], а второй раз в 1371 г. – за сопротивление (в компании еще 8 горожан) сборщикам налогов и организацию беспорядков перед домом мэра [33, p. 134–135]. Роджер, известный в Лондоне как эсквайр, указан в завещании Джона Нортхемптона в качестве его душеприказчика. Очевидно, братьев связывали очень тесные отношения: в одном из протоколов допроса, составленном на суде над Джоном в 1386 г., упоминается, что Роджер пытался прийти на помощь своему брату «с применением силы и оружия» [19, p. 138–139].

В завещании упомянуты также несколько племянников и племянниц Джона – дети его брата Уильяма: Уильям, Джон, Джоанна, Петронилла и Агнес, некий родственник Джон Комбертон, друзья и соратники (в частности, Джеймс Эндрю, торговец сукном, олдермен 1363–1374 гг., шериф 1362–1363 гг., мэр 1367–1368 гг. [13, p. 389], и его жена Матильда, племянница олдермена, шерифа 1324–1325 гг. Джона де Костона, торговца шелковыми и бархатными тканями [34, p. 161]), домашние слуги.

К моменту составления завещания Нортхемптон владел значительной недвижимостью. Обвинение в измене, суды и последующие рестрикции не привели к каким-либо имущественным потерям. У него была некая собственность в приходах св. Андрея (округ Ньюгейт), св. Николая и св. Эвина (на Фарингдон-стрит), св. Мартина (район Уэстчипа и Скобяного переулка), в округе Касл Байнард (Старый Рыбный рынок). На Кордуэйнер-стрит, в приходе св. Марии ле Боу, Нортхемптону принадлежали лавка и склад, арендованные, а затем выкупленные у Ричарда Нобари, угловая лавка, арендованная на 20 лет у Уильяма Эссекса, 2 усадьбы и 3 лавки, сданные в аренду на 40 лет женскому монастырю в Дартфорде, графство Кент (это была крупная обитель, где жили и обучались представительницы знатных семей, включая членов королевской династии Йорков). В округе Даугейт находились угловая лавка (недалеко от Стального двора), красильня, 3 доходных дома и 2 особняка, земли и еще жилые дома (на Ропери), а также земельные участки, доходные дома, лавки и причал, ранее принадлежавшие Бартоломью Фрестлингу. В приходе св. Николая, на Пентекост Лейн, располагались земли и доходные дома, сданные в аренду Уильяму Эссексу, Джону Мору и Томасу Барету. Помимо лондонских владений, у Нортхемптона была недвижимость в Беверли, графство Йоркшир, и манор Шордич, ранее принадлежавший военачальнику сэру Джону, лорду Невиллу (ок. 1330 г. – 17 октября 1388 г.), входившему в близкое окружение Джона Гонта.

Поскольку завещание было составлено в соответствии с общепринятой формулой, в нем практически невозможно обнаружить непосредственные следы участия Нортхемптона во власти и в противоречивой политической жизни 1360–1380-х гг. Но некоторые предположения высказать можно.

Распределение собственности само по себе свидетельствует об инвестициях Нортхемптона в определенные районы города. Его явная сосредоточенность на округах Кордуэйнер-стрит и Даугейт особенно интересна, поскольку Нортхемптон был олдерменом в обоих [35, p. 32]: сначала в Кордуэйнер-стрит (занимал должность олдермена Кордуэйнер-стрит с 20 августа 1375 г. по крайней мере до 6 марта 1377 г. [13, p. 113–120]), а затем в Даугейт (с 12 марта 1382 г. до 11 марта 1383 г.; в 1381–1383 гг. он одновременно занимал пост мэра) [25, p. 177–178]. Большая часть собственности на Кордуэйнер-стрит первоначально принадлежала его второй жене Петронилле.

Приобретение Нортхемптоном большого числа объектов недвижимости в округе Даугейт непосредственно перед избранием олдерменом могло быть связано с его стремлением занять эту должность [19, p. 10–11], поскольку претендент на должность олдермена должен был владеть определенной недвижимостью в округе, в котором он избирался. Весьма показательно, что Нортхемптон приобрел недвижимость на Ропери весной 1380–1381 гг. и 1381–1382 гг., непосредственно перед своим вступлением в должность олдермена округа Даугейт. Более того, покупка им недвижимости, принадлежавшей Бартоломью Фрестлингу (с 1351 г. он представлял бакалейщиков в Гилдхолле Лондона, был шерифом [11, p. 238, 268, 286], неоднократно упоминается в городских архивах [25, p. 14, 36, 40–41, 46–47, 54, 59, 94]), олдермену этого округа с 11 июля 1352 г. и, возможно, все еще исполнявшему свои обязанности 6 марта 1377 г., делает возможной связь Нортхемптона с лицом, имевшим прямое отношение к этой должности [19, p. 10–11].

Нортхемптон завещал похоронить его перед алтарем св. Иоанна Крестителя в госпитале св. Марии на Крипплгейт (Elsyng Spital), который в 1331 г. основал мерсер Уильям Элсинг. Первоначально при строительстве этого госпиталя он хотел обеспечить жильем 100 бедняков, потерявших зрение и оставшихся без крова [36, p. 535–537]. Основой для этого приюта послужило поместье на Сопер-лейн, принадлежавшее Ричарду Элсингу, известному в Лондоне мерсеру и брату Уильяма.

Выбор Нортхемптоном места для своего захоронения побуждает поставить вопрос: поче-

му он выбрал учреждение, тесно сопряженное с мерсерами, а не с его собственной компанией дрейперов или округами, которые он представлял в Гилдхолле? Возможно, ответ кроется в отсутствии у госпиталя Элсинга связи с недавними социальными и политическими волнениями, которые пережил Нортхемптон и от которых хотел дистанцироваться.

Таким же образом можно объяснить выбор получателей отписанной Нортхемптоном недвижимости. Завещание свидетельствует о его стремлении передать недвижимость, наиболее явно ассоциировавшуюся с его политической судьбой, учреждениям, не аффилированным с какой-либо партией или иными интересантами, сыгравшими важную роль в его карьере. Нортхемптон завещал Элсинг Спитал всю свою собственность на Ропери, в приходе Всех Святых в Хэе, округ Даугейт, в т. ч. один из участков земли, который он приобрел непосредственно перед своим избранием олдерменом. Это имущество должно было использоваться для служб на помин души завещателя, душ его жен, детей, родителей, тех, с кем он был связан, и других христиан (в соответствии с типичной формулой во многих завещаниях). Другой участок недвижимости в Даугейте, который позже стал известен как «гостиница Нортхемптона с широкими воротами», и угловую лавку в приходе св. Марии ле Боу Джон передал настоятельнице, монахиням и церкви Святой Троицы в Честханте, графство Хартфордшир. Вероятно, в первую очередь его волновало духовное благополучие, а не желание подчеркнуть свою роль в политических событиях, в течение нескольких десятилетий сотрясавших город.

Еще одним получателем недвижимости Нортхемптона, указанным в завещаниях, является его сын Джеймс. Ему отписаны все земли, доходные дома и арендная плата на Пентекост-лейн в приходе св. Николая, а также собственность под названием «Ле Худ» (Le Hood) в приходе Всех Святых в Хэйе на Ропери. В случае если Джеймс умрет, не оставив наследников, имущество в приходе св. Николая должно перейти Картезианскому ордену в Лондоне, а собственность в приходе Всех Святых – Уильяму Комбертону, племяннику Джона, сыну его брата Уильяма. Таким образом, данная недвижимость, в полном соответствии с лондонскими обычаями, оставалась в пределах ближнего семейного круга Нортхемптона. А в отсутствие наследников имущество переходило либо к ближайшим родственникам Нортхемптона по мужской линии, либо церкви Святой Троицы в Хартфордшире в «чистом виде как вечная милостыня» [32, p. 334–335].

Помимо самих завещаний, особый интерес представляет акцентировано индивидуальный характер просьб Нортхемптона о духовном служении для него самого, ближайших членов его семьи и соратников. В завещании содержится ряд просьб, которые свидетельствуют о том, что Джон надеялся сохранить память о себе в публичном пространстве. Завещательные наставления часто сопровождаются такими фразами, как «чтобы они не были забыты», «я молюсь», «чтобы память о них сохранялась вечно», «храню свою душу в особой памяти» [32, p. 334–335]. Напомним, что большинство завещаний содержат пункт, требующий, чтобы спонсируемая завещателем церковь проводила богослужения «pro anima mea et animabus patris et matris meorum» и т. д. Несколько менее распространенными, но все же не такими уж необычными являются указания ежегодно отмечать годовщину смерти завещателя. Нортхемптон делает и то, и другое, но с особым акцентом, и просит о дополнительных мерах. Он обращается примерно с шестью отдельными просьбами о проведении служб «pro anima mea», включая богослужения в Elsyng Spital, обеспечение нищих, женщин и обитателей госпиталей едой и возможностями для молитв в годовщину его смерти, а также поминальные службы в Гилдхолле и церкви Святой Троицы. Отчасти этим стремлением остаться в памяти продиктованы распоряжения Нортхемптона, чтобы годовщину его смерти отмечали в Элсинг Спитал, о чем он просит дважды, и в церкви Святой Троицы.

Время от времени Джон Нортхемптон обращается с просьбами публично увековечить его имя. Имя Джона Нортхемптона и другие имена, которые он упоминает, должны быть занесены в алтарную книгу «на глазах у каноников [и] таким образом прославлены» и в особый свиток в церкви Святой Троицы [32, p. 334]. А лондонский Чартерхаус должен отметить годовщину его смерти «так, как они привыкли отмечать годовщину основания» («prout fundatoribus facere solent»), что является необычной, хотя и не беспрецедентной просьбой. Или его необычайно настойчивое распоряжение о том, чтобы «два новоизбранных капеллана [были назначены и] служили в часовне Гилдхолла за упокой [его] души» [32, p. 334]. Другими словами, чтобы службы в его память проводились в здании, олицетворяющем гражданскую идентичность Лондона, невзирая на то, что он был фактически изгнан городом, а его имя вычеркнуто из городских анналов.

Таким образом, жизнь Джона Нортхемптона пришлась на один из турбулентных периодов в истории Лондона – период борьбы разных акторов на фоне обострения конкуренции на внутреннем и внешнем рынках и социальных конфликтов второй половины XIV в., а его судьба как человека и политика сложилась весьма драматично. В завещании Нортхемптона ничего не говорится о его прошлом или участии в бурных событиях в качестве олдермена, шерифа и мэра Лондона. Отчасти это молчание может быть объяснено

ограничениями, налагаемыми стандартной формулой завещательных актов. Вместе с тем, это была самобытная личность, с волевым характером, целеустремленный и решительный лидер политической фракции в столичном муниципалитете. Завещание Нортхемптона демонстрирует прилагавшиеся им сознательные усилия по формированию впечатления о его благочестии, духовном благополучии его самого, его родственников, друзей и ближайших соратников, и, наконец, о том, чтобы последующие поколения никогда не забывали его имя.

Список литературы

1. *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М. : Кругъ, 2011. 560 с.
2. The Black Death / transl. and ed. by R. Horrox. Manchester ; New York : Manchester University Press, 1994. 353 p.
3. *Лештаев Д. В.* Средневековый Лондон в период эпидемии чумы (1348–1351): некоторые аспекты социальной жизни // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 459–468. https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-459-468
4. *Hatcher J.* England in the aftermath of the Black Death // Past & Present. 1994. Vol. 144, № 1. P. 3–35.
5. *Bailey M.* After the Black Death: Economy, society, and the law in fourteenth-century England. Oxford : Oxford University Press, 2021. 400 p. https://doi.org/10.1093/oso/9780198857884.001.0001
6. *Kim E.* The Tailors, Drapers, and Mercers of London and the London Commissary and Husting Court Wills, 1374–1485. A thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (Centre for Medieval Studies). Toronto : University of Toronto, 2015. 313 p.
7. The London Customs Accounts : in 4 pts. Part I: The Plantagenet Dynasty (1280/1–1399). Number 3: 1 Edward III (1327/28) – 45 Edward III (1371/72) / ed. by S. Jenks. Lübeck : Hansischer Geschichtsverein, 2024. 411 p.
8. *Лештаев Д. В.* Иностранцы в экономике и социуме Лондона XIV в.: взаимодействие и конфликты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 208–217. https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-208-217
9. *Репина Л. П.* Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века. М. : Наука, 1979. 221 с.
10. The Statutes of the Realm : in 11 vols. / by the Record Commission. London : Dawsons of Pall Mall, 1810. Vol. 1. 625 p. (Reprinted 1963).
11. Calendar of Letter-Books preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall / ed. by R. R. Sharpe. London : John Edward Francis, 1904. 384 p.
12. Calendar of Letter-Books preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall / ed. by R. R. Sharpe. Letter-Book G. Circa A. D. 1352–1374. London : John Edward Francis, 1905. 424 p.
13. The Aldermen of the City of London : in 2 vols. / ed. by A. B. Beaven. London : Eden Fisher and Company, 1908. Vol. 1. 479 p.
14. *Чернова Л. Н.* Лондонский олдермен XIV века и его супруга: Джон и Джоан Пайел // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2008. Вып. 23. С. 32–49.
15. *Nightingale P.* Medieval Mercantile Community: The Grocers' Company and the Politics and Trade of London, 1000–1485. New Haven ; London : Yale University Press, 1995. 640 p.
16. *Чернова Л. Н.* Ник Брембр: штрихи к портрету лондонского олигарха XIV века // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции : в 2 ч. / отв. ред. А. В. Коричко. Нижневартовск : Издательство Нижневартовского государственного университета, 2015. Ч. 1. С. 197–200.
17. *Яблонская О. В.* Конфликты и компромиссы политической элиты Лондона в 1370–1380-х годах // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2014. № 2. С. 4–15.
18. *Unwin G.* The Guilds and Companies of London. London : Methuen & Co., 1908. 462 p.
19. *Bird R.* The Turbulent London of Richard II. London : Longmans, Green & Co., 1949. 156 p.
20. *Byrne J. P.* Daily life during the Black Death. Westport, Connecticut ; London : Greenwood Press, 2006. 326 p.
21. Historical Charters and Documents of London / ed. by W. de Gray Birch. London : Whiting & Co., 1807. 396 p.
22. Memorials of London and London life, in the XIIIth, XIVth, and XVth centuries: Being a series of extracts, local, social, and political, from the early archives of the City of London A. D. 1276–1419 / ed. by H. T. Riley. London : Longmans, Green, and Co., 1868. 800 p.
23. *Яблонская О. В.* Борьба «старого» и «нового» патрициата в Лондоне в последней четверти XIV века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 50–57. https://doi.org/10.18500/1819-4907-2015-15-1-50-57
24. *Kightly Ch.* The Early Lollards. A survey of Popular Lollard Activity in England, 1382–1428. York : University of York, 1975. 635 p.
25. Calendar of Letter-Books preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall / ed. by R. R. Sharpe. London : John Edward Francis, 1907. 600 p.
26. Documents touching John of Northampton and Sir Nicholas Brembre // A Book of London English, 1384–1425 / ed. by R. W. Chambers and M. Daunt. Oxford : The Clarendon Press, 1931. P. 18–33.
27. *Беляев А. Ю.* Личностный фактор на войне в хронике Томаса Уолсингема // Клио. 2024. № 4 (208). С. 23–31.
28. *Walsingham T.* Historia Anglicana. Chronica Monasterii S. Albani : in 2 vols. / ed. by H. T. Riley. London : Longman, Green, Roberts, and Green, 1864. Vol. 2. 596 p.

29. *Wood R. A.* Life and Death: A Study of the Wills and Testaments of Men and Women in London and Bury St. Edmunds in the late Fourteenth and early Fifteenth Centuries. Thesis submitted for the Degree of Doctor of Philosophy in the University of London Royal Holloway. London : University of London, 2012. 303 p.
30. *Barron C. M.* The Will as Autobiography: The Case of Thomas Salter, Priest, Died November 1558 // Medieval London. Collected Papers of Caroline M. Barron / ed. by M. Carlin and J. T. Rosenthal. Kalamazoo : Western Michigan University, 2017. P. 213–264.
31. *Чернова Л. Н.* Завещание как автобиография: случай Джона Карпентера, городского клерка Лондона XV века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2025. Вып. 92. С. 311–326. https://doi.org/10.21267/AQUILO.2025.92.92.02
32. Calendar of Wills proved and enrolled in the Court of Husting, London : in 2 pts. Pt. 2: A. D. 1358 – A. D. 1688 / ed. by R. R. Sharpe. London : Printed by John C. Francis, 1890. 996 p.
33. Calendar of Plea and Memoranda Rolls preserved among the Archives of the Corporation of the city of London at the Guildhall : in 6 vols. Vol. 2: A. D. 1364–1381 / ed. by A. H. Thomas. Cambridge : At the University Press, 1929. 432 p.
34. The Aldermen of the City of London : in 2 vols. / ed. by A. B. Beaven. London : Eden Fisher and Company, 1913. Vol. 2. 374 p.
35. *Johnson A. H.* The History of the Worshipful Company of the Drapers of London, preceded by an introduction on London and her Gilds up to the close of the XVth century. Oxford : At the Clarendon Press, 1914. 418 p.
36. The Victoria History of London, including within the Bars, Westminster and Southwark / ed. by W. Page. London : Dawsons of Pale Mall, 1909. 686 p.

Поступила в редакцию 01.03.2026; одобрена после рецензирования 13.03.2026;
принята к публикации 12.04.2026; опубликована 30.09.2026

The article was submitted 01.03.2026; approved after reviewing 13.03.2026;
accepted for publication 12.04.2026; published 30.09.2026